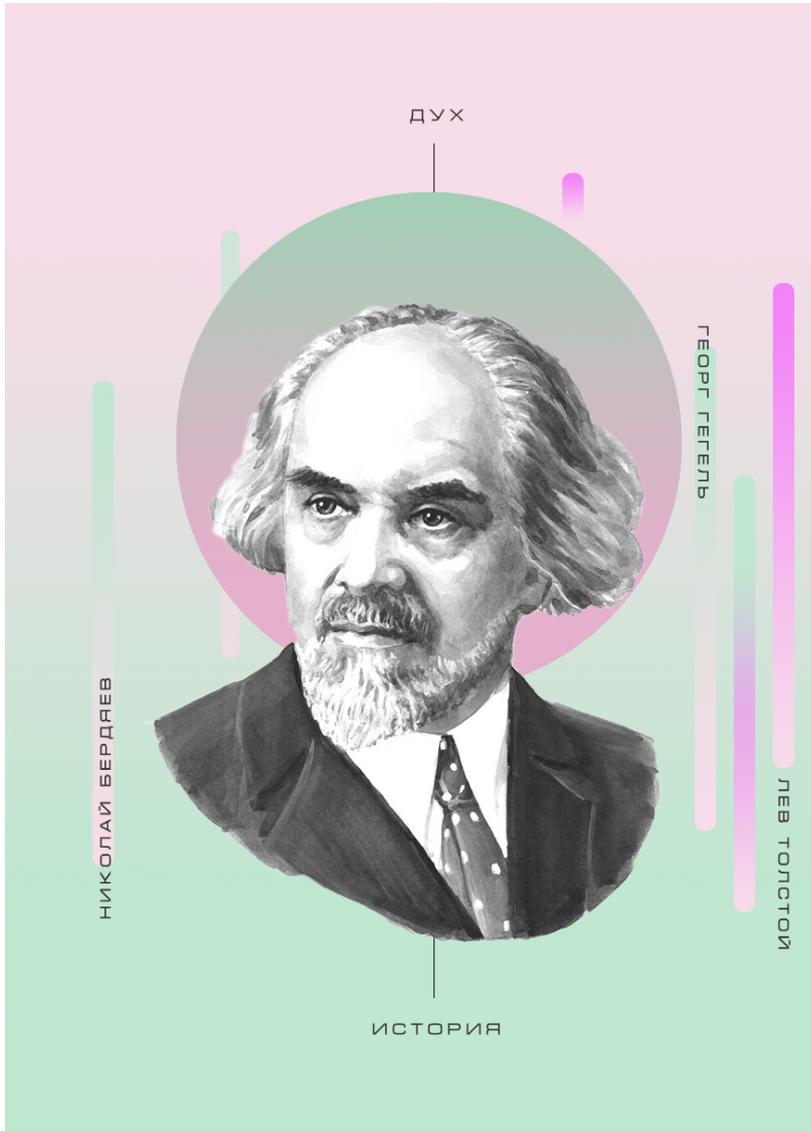

Дух и история

Антон Куликов (магистерская программа «Философская антропология»)

Философия истории Н.А. Бердяева – одно из основных измерений его философии свободного духа. Именно в истории дух, по Бердяеву, обретает и разворачивает свою подлинную реальность и творческую силу, а значит – свободу: «Если бы не было свободы, не было бы и истории. Свобода есть метафизическая первооснова истории»¹. Однако именно историческое сознание переживает сейчас глубокий кризис, и это является важным симптомом комплексного кризиса европейской культуры.

Реальность духа принципиально не может быть статичной, дух существует лишь до тех пор, пока осуществляет

динамическое усилие по преодолению себя, перерастанию своей простой своей, его жизнь – непрерывное трансцендирование: «Дух означает постоянное Трансцендирование в человеческой жизни. В сущности, не существует статического трансцендентного, а существует лишь Трансцендирование. Это принадлежит к тайне духа и духовной жизни. Дух есть в-себе-бытие, т. е. неопределяемость извне. И вместе с тем жизнь духа есть неустанное Трансцендирование, выход за свои границы, но не из детерминации, а из свободы»². В таком

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 46.

² Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 387–388.

случае Дух не может принадлежать природному миру цикличности и непреложных закономерностей, порядку причин и следствий.

Этот порядок имманентной фактичности, причинно обуславливающих друг друга *событий* должен быть преодолен в порядке *деяний* человека, направляемых свободно полагаемыми им целями. Поэтому «дух связан с историей. Можно было бы сказать, что дух историчен и что только дух знает историю <...> В истории искал Дильтей признаки, по которым узнается дух. У Гегеля история есть самораскрытие духа. С историей связан дух для христианского сознания. В отличие от греческого понимания духа христианство понимает дух как имеющий историю»³.

История, в сущности, непонятна вне свободного действия духа. Без духовной свободы человека она теряет само свое существо, перестает принципиально отличаться от живой или неживой природы. В этом Бердяев напоминает Канта, чье видение истории человечества было частным моментом его телеологии: дело не в том, что история по своей природе имеет цель и объективно направляется этой целью, что можно было бы показать на основе реальных исторических фактов, а в том, что само понятие истории может быть определено только телеологически. История отличается для нас от природы только тогда, когда мы выстраиваем исторические события уже не в каузальные цепи, а в логику постепенного решения бесконечной задачи, а именно – преодоления человеком естественной связности с инстинктом, его самоосвобождения посредством разума.

Как бы ни были близки Бердяеву эти классические положения Канта, для него особенно важно подчеркнуть, что историческое движение – это не фатум, которому человек подчинен, не ведая об этом. Значимо не то, что познание истории как особой, собственно исторической, реальности становится возможным лишь в терминах телеологии и постепенного достижения человеческой свободы, как у Канта, а скорее напротив – в том, что сама творческая свобода духа требует такого познания истории. Если позволить себе обыграть классические кантовские вопросы, то, вопреки логике трансцендентальной философии, Бердяев к вопросу «Что я могу знать об истории?» идет от вопроса «Что такое человек в истории?».

Поэтому кризис исторического познания для Бердяева – в высшей степени тревожный знак кризиса свободы. Философия Просвещения, гегелевский идеализм, позитивистское видения истории Контом, детерминизм Маркса с претензией на предсказательную силу и целый ряд иных влиятельных философских школ и направлений стремятся описать историю

---

³ Там же. С. 387.

по аналогии с природой, делая из нее чисто внешнюю по отношению к человеку реальность, реальность фактов и законов, с которыми индивид вынужден считаться, но изменить которые он не в силах. Бердяев пишет: «Постепенно происходит такой процесс, в котором само познаваемое отдалается, теряется из виду, перестает существовать в той своей первоначальной реальности, в которой оно только и может быть названо “историческим” и может раскрыть тайну истории»⁴. Такая чисто *объективированная история* есть самоубийственное закабаление духа, порождение гордыни человеческого, «евклидова», ума, не желающего мириться с *тайной* истории, требующего одних только прозрачных объяснений и точных прогнозов на основе известных закономерностей. Марксизм – своего рода апофеоз познания истории «евклидовым» умом рационалиста.

В итоге несмотря на то, что «в царстве истории действует свобода, которой нет в царстве природы. История есть более наш собственный мир, чем природа», человек в истории уже «не узнает своего собственного субъективного духа, своей собственной духовной свободы. В истории происходит как бы отчуждение субъективного духа от человека»⁵. Объективированная история человека уже не принадлежит ему и от него не зависит, она предстает действием каких-то неведомых, неумолимых и равнодушных к нему сил или неотвратимостью судьбы: «С одной стороны, история есть наше человеческое дело, и в ней мы узнаем признаки духа, который составляет и нашу собственную глубину. История происходит с нами и в нас, и мы можем взять историю в глубину духа. Но, с другой стороны, в истории происходит отчуждение нашей природы и нашего духа. История превращается в рок для нас, она действует как чуждая нам и беспощадная сила, и в ней нет нашей свободы»⁶.

Гегелевское учение об истории как о самопознании объективного духа, о хитростях разума и неизбежности становления свободы Бердяев считал наиболее последовательным переподчинением истории человека некой всецельной абстракции, при которой уже эта абстракция (гегелевский Дух, Понятие и т.п.) делается свободной и разумной, а вовсе не человек: «Если история есть, по Гегелю, самораскрытие и развитие свободы, то не нашей свободы и не для нас свободы. История осуществляет не человеческие цели, цели хитрого универсального разума, универсального духа. История не хочет знать личности человеческой»⁷.

---

⁴ Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 8–9.

⁵ Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 387.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Что противопоставить объективации истории и самозабвению свободы в ней? Разве возможно не объективирующее знание, которое не противопоставило бы субъекту познания выстраиваемый им предмет – в частности, историю? По Бердяеву, возможно, и ключ к такому постижению истории – творчество личности. В истории нет никакого доступного разуму закона прогресса и неизбежного освобождения человека (как у просветителей, Гегеля или Маркса), нет в ней и закона неизбежного вырождения и упадка (как, скажем, у Шпенглера): история остается историей, только если человек сохраняет за собой возможность активно, творчески участвовать в ней и понимает, что в истории все зависит от него самого.

Для творческой личности история не внешняя и враждебная ей действительность, от которой хорошо бы укрыться где-нибудь в тихом углу, в тайном оазисе свободы, а напротив – такая питательная среда, в которой и благодаря которой человек только и делается человеком. История не обходится с личностью как с сырым материалом, из которой она выдавливала бы любые угодные ей формы, она духовно наполняет, обогащает его, если сам человек не чуждается истории, не пытается обойтись с ней как с набором утилитарных фикций или симулякров, но чувствует и сознает *свою историчность и ответственность за собственную историю*, глубокую связь с историческим наследием, питающим его мысль и творческую силу. Бердяев настаивает: «История – это не простое насилие над познающим субъектом внешних объективных фактов, это есть некоторый акт преобразования великого исторического прошлого, в котором совершается внутреннее постижение исторического объекта, внутренний процесс, роднящий субъект с объектом»⁸. Вне этого родства нет ни истории, ни человека.

В такой духовной настроенности Бердяев приступает к критическому анализу философии Льва Толстого, и можно сразу же представить себе, какая пропасть должна была разверзнуться между ним и Толстым: «Отчего дети нравственно выше большинства людей? <пишет Толстой> От того, что разум их не извращен ни суевериями, ни соблазнами, ни грехами. На пути к совершенству у них ничего не стоит. Тогда как у взрослых стоят грехи, соблазны и суеверия. Детям надо только жить, взрослым надо бороться»⁹. Толстой видит в ослепительном блеске, которым окружила человека история, только фальшь и мишуру: все накопленные ею достижения науки и искусства, религии и права, непомерно возросшая утонченность жизненных наслаждений – все это не смогло придать человеческой жизни внятного, подлинного смысла, но, напротив, отвлекает от поисков этого смысла. Общество и культура,

---

⁸ Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 19.

⁹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 42. М.: Худож. л-ра, 1957. С. 23.

реально сложившиеся в истории, основаны на произволе, насилии и обмане: они не дадут ребенку никакой творческой свободы, лишь искалечат его душу.

Пустоте культуры и истории Толстой противопоставил свою центральную метафизическую идею Добра: «Добро есть вечная, высшая цель нашей жизни. Как бы мы ни понимали добро, жизнь наша есть не что иное, как стремление к добру, т.е. к Богу. Добро есть действительно понятие основное, метафизически составляющее сущность нашего сознания, понятие, не определяемое разумом. Добро есть то, что никем не может быть определено, но что определяет все остальное»¹⁰. Нет ничего удивительного в том, что неопределимое, невыразимое, но переживаемое всеми Добро Толстой связал, прежде всего, с чистотой ребенка, ведь *ребенок ближе всех стоит к изначальному и невыразимому*.

Трудно понять то бесконечное самопреодоление и трансцендентные цели, в перспективе которых история для Бердяева только и становилась автономной «исторической жизнью». Для Толстова сам по себе человек намного дороже любой его трансценденции, наша жизнь не где-то в бесконечности, она здесь, наш идеал не в дали, он рядом с нами. Толстой так и писал: «Ребенок живет, каждая сторона его существа стремится к развитию, перегоняя одна другую, и большей частью самое движение вперед этих сторон его существа мы принимаем за цель и содействуем только развитию, а не гармонии развития. В этом заключается вечная ошибка всех педагогических теорий. Мы видим свой идеал впереди, когда он стоит сзади нас»¹¹. Эта *антиисторическая* установка была направлена Толстым против немецкой классики и в особенности – против Гегеля. В записях Софьи Андреевны находим слова о том, что Лев Николаевич «восхищался Шопенгауэром, считал Гегеля пустым набором фраз»¹².

«Война и мир» – эпопея, созданная против истории. В истории нет никакого разумного смысла, ею правят жалкие случайности, которым ничего не стоит ни убить Пьера Безухова, ни спасти его, ни бросить в плен вместе с нищими крестьянами, ни наделить огромным состоянием. Подлинная жизнь человека, которой отчаянно ищут Пьер и сам создавший его художественный гений – это жизнь словно бы вне истории, в дали от нее, в семье, в спокойной простоте своего дома. «Смысл истории», «великие исторические задачи», «историческое наследие» и т.п. – чего все эти бердяевские абстракции стоят по сравнению с жизнью и смертью, радостью и страданием конкретных людей?

---

¹⁰ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т.. Т. 30. М.: Худож. л-ра, 1951. С. 78.

¹¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 8. М.: Худож. л-ра, 1936. С. 321.

¹² Толстая С.А. Дневники: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит-ра, 1978. С. 495.

Для самого Бердяева толстовская критика Гегеля еще менее приемлема, чем само гегельянство: отрицание *всякого* смысла истории унижает человека еще больше провозглашения ее абсолютной (хотя и объективной, уже не зависящей от человека) разумности.

Бердяев считает, что человеческие страдания не имеют смысла только для последовательного *рационалиста* – такого, как Толстой, или, например, Иван Карамазов – знающего лишь объективированную действительность истории, действительность фактов и необходимостей, обладающих внешней принудительной силой по отношению к человеку. Однако зло и добро не существуют вне личности и независимо от нее, человек сознает себя свободным, когда перестает противопоставлять себе «объективную» реальность истории и понимает свое творческое, активное участие в ней, принимая всю безмерную ответственность за него.

Мы уже видели, что в центре учения Бердяева – личность, которая не противостоит истории и культуре как набору внешних ограничений и пассивно воспринятых образцов, а участвует в сотворении культурных ценностей и идеалов и добровольно подчиняет себя им. Естественно, эта творческая свобода личности отличается от простого произвола в создании и смене культурных фикций только тогда, когда связана с высшим, несотворенным идеалом, устремлена к сверхличным ценностям: «Поистине личность и сверхличная ценность неразрывно связаны. Личность потому только и существует, что в ней есть сверхличное, ценное содержание, что она принадлежит к иерархическому миру, в котором существуют качественные различия и расстояния. Природа личности не выносит смешения и бескачественного уравнивания»¹³. Полная страданий, человеческая история *непонятна исходя из нее самой, она обретает смысл только в эсхатологической перспективе*.

Лишь конец истории и выход в «сверхисторическое время», лишь преодоление мира объективаций, «царства кесаря», ради царства свободного духа делает понятным и оправданным зло как порождение свободы. Толстой потому и противопоставляет историю подлинной человеческой жизни, потому и видит историю кровавой бессмыслицей и насилием, что его гордый ум просветителя и рационалиста не согласен принять *иррациональную тайну* свободы. А без этой тайны история и в самом деле непонятна и беспощадна.

Такого уровня интеллектуально-нравственное столкновение, как столкновение Бердяева с Толстым, с особой ясностью раскрывает и основания бердяевской философии истории, и ее

---

¹³ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Аскольдов С.А., Бердяев Н.А., Булгаков С.А. и др. Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 80.

основные ценностные ориентиры. История в ней передана такой, как видит ее гордый аристократ, в духе гегелевского «господина», ценящий свободу куда выше человеческой жизни и благополучия. История без страдания, принудительно добрая и справедливая кажется недостойной, даже унижительной его рыцарской совести: зло и страдание, напротив, выступают для него подлинными, необходимыми гарантиями свободы, а значит и достоинствами человека. Если человек не игрушка в руках судьбы или гегелевского объективного духа, если личность творчески участвует в истории и отвечает за свое участие, то сама возможность зла в истории: боли и уродства, пошлости и чудовищной несправедливости – никогда не может быть исключена. Его неразрешимая мрачная тайна есть та цена, которую аристократ духа должен платить за свои убеждения, за все сказанное им о творчестве, свободе и личности. Только тот, кто готов столь же дорого заплатить за них, вправе повторить эти слова и может вполне понять их смысл.

Библиография

- Бердяев Н.А.* Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 364–462.
- Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Аскольдов С.А., Бердяев Н.А., Булгаков С.А. и др. Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 56–90.
- Бердяев Н.А.* Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
- Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 8. М.: Худож. л-ра, 1936.
- Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 30. М.: Худож. л-ра, 1951.
- Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 42. М.: Худож. л-ра, 1957.
- Толстая С.А.* Дневники: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит-ра, 1978.